

*ГЕНДЕРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В РАССКАЗАХ А.П. ЧЕХОВА
"АННА НА ШЕЕ" И "ДАМА С СОБАЧКОЙ"*

В рассказах А.П. Чехова широко представлены мужские и женские образы. В связи с этим интересна тема гендерных отношений героев в рассказах А.П. Чехова. Особенно актуальным мотивом в них является тема женской супружеской измены и мужской.

Наиболее ярко это выражено в двух рассказах А.П. Чехова: "Анна на шее" и "Дама с собачкой". В обоих рассказах героини имеют одно имя – Анна. При всех социальных и психологических различиях две Анны связаны между собой мотивом адюльтера, без которого повествование лишилось бы всякого смысла либо приобрело бы иной. Отказавшись от соблазнительной возможности порассуждать о сущности адюльтера и его моральных последствиях в русской жизни и русской литературе, мы займемся исследованием поведения дискурса, а не персонажа в ситуации супружеской измены.

Первое и самое характерное в поведении дискурса в ситуации супружеской измены связано с резким усилением оппозиции между ним и нарративом. Можно сказать, что очень часто сам мотив адюльтера вводится лишь для того, чтобы продемонстрировать противоположную природу повествования и дискурса. Эта противоположность в свою очередь восходит к оппозиции коммуникации события и коммуникативного события.

Как известно, коммуникативное событие – прямая противоположность коммуникации события, поскольку событием в данном случае является не сам сообщаемый факт, а необычное использование языка для передачи обычных сведений.

В этом смысле нарратив всегда будет тяготеть к коммуникации события, а дескриптивный дискурс – к коммуникативному событию, ибо "...повествование занято поступками и событиями как чистыми процессами, а поэтому делает акцент на темпорально-драматической стороне рассказа; описание же, напротив, задерживая внимание на предметах и людях в их симультанности и, даже процессы рассматривая как зрелища, словно приостанавливает ход времени и способствует разворачиванию рассказа в пространстве" [1].

Введя мотив супружеской измены в повествование, писатель нового времени сталкивается с трудной задачей: необходимостью описать адюльтер и невозможностью это сделать; необходимость в данном случае диктуется интересом к дальнейшему ходу действия ("что было потом"), а невозможность – самой природой дискурса: адюльтер не может быть описан по двум причинам, во-первых, ввиду отсутствия исходных языковых средств, при помощи которых можно было бы описать супружескую измену, не прибегая при этом к профанации, и, во-вторых, потому что адюльтер по природе сукцессивен, а роль дискурса заключается в том, чтобы возвращать сукцессивным процессам исходный симультанный смысл.

Центральная роль женщины как основной фигуры адюльтера достигается прежде всего за счет перегрузки мужских фигур отрицательными коннотатами, причем главными негативными признаками снабжается муж героини.

Модест Алексеич "был чиновник среднего роста, довольно полный, пухлый, очень сытый, с длинными бакенбардами и без усов, и его бритый, круглый, резко очерченный подбородок походил на пятку. Самое характерное в его лице было отсутствие усов, это свежевыбритое, голое место, которое постепенно переходило в жирные, дрожащие, как желе, щеки" ["Анна на шее"].

"Вместе с Анной Сергеевной вошел и сел рядом молодой человек с небольшими бакенами, очень высокий, сутулый; он при каждом шаге покачивал головой и, казалось, постоянно кланялся. Вероятно, это был муж, которого она тогда в Ялте, в порыве горького чувства, обозвала лакеем. И в самом деле, в его длинной фигуре, в бакенах, в небольшой лысине было что-то лакейски-скромное, улыбался он сладко, и в петлице у него блестел какой-то ученый значок, точно лакейский номер" [Дама с собачкой].

В образе двух мужей духовное убожество реализуется через отталкивающую телесность; общим же для любовников является разрыв между телесной привлекательностью и духовным убожеством" [Дама с собачкой].

Основной схемой, описывающей адюльтер, становится вначале пропуск кульминационного момента, а затем система эвфемизмов, деликатно намекающая на опущенное событие. Несмотря на комбинаторную бедность схемы "умолчание + эвфемизм", в трех текстах наблюдается известная вариация средств, которыми элементы этой схемы реализуются.

В рассказе "Дама с собачкой" нет отточий, но сохраняется авторская сентенция, переадресованная в качестве точки зрения герою любовнику: Анна Сергеевна, эта "Дама с собачкой", к тому, что произошло, отнеслась как-то особенно, очень серьезно, точно к своему падению, – "так казалось, и это было странно и некстати. У неё опустились, завяли черты и по сторонам лица печально висели длинные волосы, она задумалась в унылой позе, точно грешница на странной картине".

В рассказе "Анна на шее" вообще отсутствуют какие-либо сообщения об адюльтере. Вместо этого Чехов в уста Аннинного мужа вводит двусмысленный каламбур: "Теперь остается ожидать появления на свет маленького Владимира. Осмелюсь просить ваше сиятельство в воспитанники".

Результат адюльтера – падающая поза Анны, но подлинным организатором дискурса становится окружающее пространство и заполняющие его вещи – диван, ковер, разостланный на полу. Именно потому, что диван и ковер оказываются в фокусе внимания, работа нашего воображения, связанная с интересом к деталям адюльтера, жестко блокируется (в порнографических текстах дело обстоит ровным счетом наоборот). Такой прием, говоря языком современной психологии, называется латеральным программированием. В латеральных высказываниях главное всегда остается на заднем плане и принимается людьми как нечто очевидное, тогда как случайное и несущественное, выдвинутое вперед, становится фактором, структурирующим коммуникативное событие и сигнализирующим о разрыве с коммуникацией события.

С ещё большей виртуозностью замещение нарратива дискурсом совершается в рассказе "Анна на шее", где сама сцена адюльтера, как уже было сказано, замещается ироническим намеком на маленького Владимира, а орнаментализация мотива достигает гротескных форм: "Возвращалась она домой каждый день под утро и ложилась в гостиной на полу, и потом рассказывала всем трогательно, как она спит под цветами"...

Таким образом, показывая в рассказах "Анна на шее" и "Дама с собачкой" гендерные отношения мужчины и женщины, автор заставляет читателя задуматься о ценности семейных отношений, необходимости заботиться о близких людях, ценить их.

ЛИТЕРАТУРА

1. Языковое мастерство А.П. Чехова // Отв. ред. Л.В. Баскакова. – Ростов, 1988.
2. Апресян Ю.Д. Интегральное описание языка и системная лексикология. – М., 1995.
3. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. – М., 1976.